

Любовь к психоанализу длиною в четверть века

Бекер Давид Львович

- Заведующий патопсихологической лабораторией Краевой клинической психиатрической больницы им. проф. И. Б. Галанта.
- К.м.н., психиатр высшей категории, психотерапевт, клинический психолог
- Специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Хабаровск) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления ЕАРПП

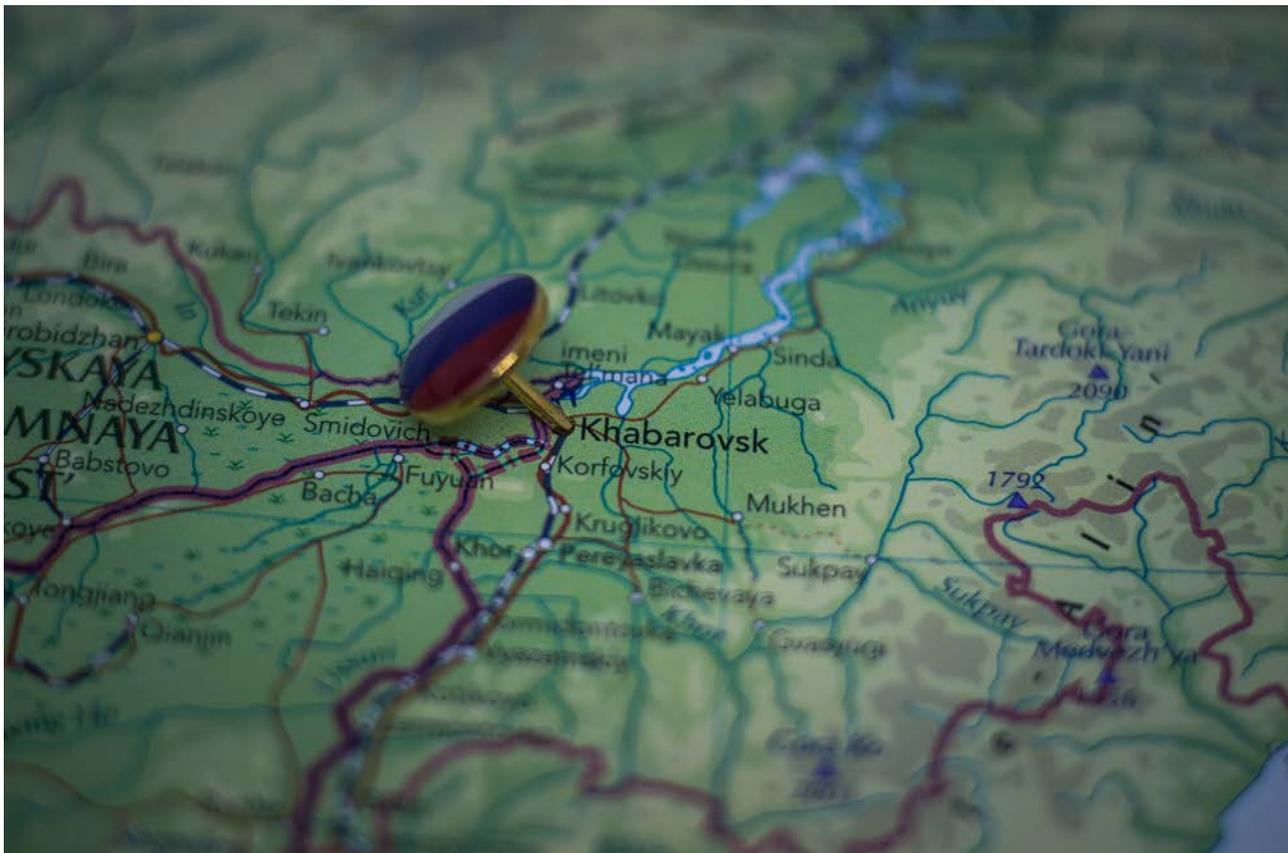
Васильева Екатерина Игоревна

- Психолог-психоаналитик
- Член ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член правления и председатель РО-Хабаровский край (ЕАРПП)

Г.В. — Мы продолжаем наш проект «Интервью с председателями региональных отделений ЕАРПП». Наша цель: собрать историю нашего сообщества через историю регионов. В первом номере нашего журнала было интервью с Екатериной Львовной Умной из Пензы, во втором — с Юлией Сергеевной Метельской из Ярославля. Третьим будет Хабаровск. Расскажите, когда здесь зародилась психоаналитическая ячейка, как это было.

Д.Л. — Зародилась ячейка с возникновением Дальневосточного института психологии и психоанализа 31 августа 1998 года. По легенде, доктор психологических наук Воробьева Кларисса Ивановна и кандидат психологических наук Пучкова Галина Леонидовна находились в Санкт-Петербурге и, непринужденно прогуливаясь, зашли в Восточно-Европейский Институт Психоанализа к Михаилу Михайловичу Решетникову, ректору института. Они познакомились, пообщались и решили, что стоит организовать Институт психоанализа в Хабаровске. Эта идея носилась в воздухе. Воробьева Кларисса Ивановна, профессор, пришла в нашу Краевую психиатрическую больницу к главному врачу, будущему доктору медицинских наук, академику РАЕН, профессору Михайлову Владимиру Ивановичу. Надо отметить, что наша

1 Г.В. - Гридаева Галина Витальевна
Д.Л. - Бекер Давид Львович
Е.И. - Васильева Екатерина Игоревна

больница — учреждение со своей историей и традициями, в 2023 году ей будет 100 лет. И конечно, это очень необычно и интересно — Институт Психоанализа на базе психиатрической клиники. Главный врач с большим интересом отнесся к этому начинанию, и выделил один кабинет, а также актовъ зал под лекционный курс, пообещал трудоустройство выпускникам. Это положило начало институту. Потом, в 2001 году, после того как в больницу пришла новая администрация, институт переехал в новое здание, и там занял уже три этажа, пошел поток студентов, первые выпускники. С Михаилом Михайловичем Решетниковым была договоренность, что двое наших коллег будут в Питер приезжать, учиться, а потом преподавать у нас, в Хабаровске. Так и получилось — ваш покорный слуга и прекрасный психолог Юрий Александрович Конев приезжали, одновременно учились и преподавали.

Так зародился психоанализ в Хабаровске. Из ВЕИПа к нам приезжали преподаватели, в том числе Владимир Александрович Медведев, привнесший большой вклад в становление психоанализа в Хабаровске. Приезжал Щёголев Альфред Александрович, Лукина Ирина Сергеевна, Топорова Людмила Владимировна, Рождественский Дмитрий Сергеевич, приезжал сам Михаил Михайлович Решетников. Институт шел в гору: было много студентов не только психоаналитических, а и психологических, открылись филиалы института в г. Свободный Амурской области, где расположен знаменитый космодром, в г. Тында и т.д. Выпускали по 40-50 человек в год. А начиная с 2014 года всё закрыли, отобрали государственную аккредитацию.

Е.И. — Я, кстати, была в последнем выпуске. Успела буквально впрыгнуть в последний вагон.

Д.Л. — Институт стал съезживаться как шагреновая кожа, становился все меньше и меньше, остался один этаж, преподаватели разбежались.

Г.В. — Что произошло? Как вы думаете, почему все начиналось так активно и бурно, а потом сошло на нет? Чего не хватило?

Екатерина Васильева, Альфред Притц,
Александра Крутькова

нинговый анализ, и супервизии — поэтому все как сквозь пальцы уходило. Вторая волна интереса к психоанализу пошла, когда в Хабаровск приехала Татьяна Владимировна Мизина. И я на той волне «заскочила» в сообщество, и перед нами открылись новые горизонты.

Д.Л. — Хотел бы дополнить, что тогда не было сообщества и не было лидера, за которым бы мы могли пойти, который хотел бы все это объединить. В общем, совокупность разных факторов привела к тому, что Институт Психоанализа в Хабаровске умер, перестал существовать.

Е.И. — Потом вы, Давид Львович, и стали лидером, за которым все пошли.

Д.Л. — Да, потом уже. А тогда я был маленьким Лениным, только что родившимся, с курчавой головой (*смеется*). Да, этого не хватало. Кларисса Ивановна Воробьева совсем не психоаналитик и к психоанализу относилась снисходительно. Мы с ней по-товарищески общались и общаемся, и будем общаться, надеюсь. Потому что она мать всего этого дела изначально. Никто не был заинтересован в организации сообщества. Выпускаются люди и ладно. Но если бы не было Института Психоанализа, то сообщество без него не появилось бы.

Г.В. — Здесь стоит подчеркнуть, что, во-первых, не было сообщества как среды для развития специалиста для того, чтобы он после студенческой скамьи окреп и набрался опыта, смог организовать свою клиническую практику. Во-вторых, не было сообщества как организованного института поддержки: личного анализа, супервизий. Поэтому произошло это «утекание в песок». Плюс личностные качества лидера, согласна, это очень важно. Все равно кто-то рано или поздно берет на себя эту незавидную героическую роль — объединять людей.

Д.Л. — Вот такая предыстория, она же история.

Г.В. — А вы, Давид Львович, в это время работали психиатром в больнице, правильно?

Д.Л. — Моя история очень простая. Я закончил Хабаровский Государственный Медицинский Институт в 1983 году, уехал в Биробиджан по распределению, случайно нашлось

Д.Л. — Хороший вопрос. Не хватило сообщества в то время, когда был организован институт. Если бы было сообщество, то студенты, которые заканчивали институт, плавно бы «перетекали» в него, структура стала бы более крепкой. Так как наше сообщество организовалось значительно позже, чем все эти выпуски, то студенты выпускались «в никуда». К тому же мы были оторваны от запада, вообще от психоаналитического движения и жили на Дальнем Востоке сами по себе.

Г.В. — Правильно я понимаю, выпускники выходили из ВУЗа и вне сообщества теряли связи с коллегами, практику не вели, переставали развиваться?

Е.И. — Из моего выпуска из 28 человек осталось работать в психоанализе только 8. Обучающий (тренинговый) психоанализ можно было пройти только у Давида Львовича Бекера. Я в 2013 году окончила институт Психоанализа. И после нашего потока остался только курс, продолжительностью в 9 месяцев. Я удивлялась, как можно научиться за 9 месяцев психоанализу, мне и трех лет не хватило. На тот момент было сложно, не имея сообщества, собрать все необходимое для работы: и желание, и возможность, и понимание, и тре-

Коллектив патопсихологической лаборатории (Л. Толстого 49)

место в Областной психиатрической больнице (кстати, специально построенной в 1977 г), там прошел интернатуру по психиатрии. Так я начал заниматься психотерапией. Затем в 1985 году я поехал в Ленинград, где преподавали Борис Дмитриевич Карвасарский, Сергей Сергеевич Либих, Галина Львовна Исурина, Виталий Давидович Вид и многие другие, мы всем этим вдохновились, ужаснулись, приехали обратно, и пять лет я отработал заведующим отделения неврозов, первым и единственным на то время на Дальнем Востоке.

Г.В. — Мне это очень интересно, потому что я после института тоже начинала с отделения неврозов.

Д.Л. — Мой старший товарищ Дымент Леонид Моисеевич был старше меня на 10 лет, это был такой гениальный человек! Мы смотрели журналы по психиатрии, обсуждали как можно лечить, мы первыми занимались групповой психотерапией, использовали иглорефлексотерапию, лечебное голодание, депривацию сна, форсированную инсулино-шоковую терапию. У нас в отделении был свой культорг, групповой терапевт. В больнице работал свой генетик, Геллер В.Л., который занимался дерматоглификой, проходили театральные постановки на праздники — жизнь была ключом. Там родоначальниками были не просто врачи, а врачи-звезды, впоследствии все сделавшие карьеру: Леонид Тойтман, Сергей Иванов (будущие главные врачи), Яков Дехтяр (участник КВН, публицист, рентгенолог — неизвестно, что главное), Александр Рыжик (нарколог, прекрасный врач, аккуратист, хороший организатор), психиатры: супруги Николай и Татьяна Комовы, супруги Таенковы, Скопенко, и другие. Первым главным врачом стал Михаил Самуилович Рицнер, который затем работал заведующим лабораторией Клинической Генетики психических заболеваний в Центре Психического Здоровья АМН СССР (г. Томск, 1981-1989) и директором филиала Центра психического

здоровья Тальбие в Кирыят Йовеле (г. Иерусалим, 1996-1998). А для меня это была хорошая школа и психиатрическая, и человеческая.

Когда я вернулся в Хабаровск, то прошел двухгодичную ординатуру у профессора Колотилина Геннадия Федоровича, признанного главы психиатрической школы на Дальнем Востоке, ныне покойного, к сожалению. В 1990 г получил новую специализацию, теперь уже по психологии. И с этого года я начал работать одновременно как психолог, психиатр и психотерапевт.

Затем, в 1993 году, появилась патопсихологическая лаборатория. Защитил диссертацию в Москве в институте им. В.М. Сербского, на тему «Клинико-социальная характеристика, терапия и профилактика психических расстройств, связанных со стрессом». Научным руководителем стал профессор института Положий Борис Сергеевич. В то время директором института была академик Татьяна Борисовна Дмитриева — большой ученый, организатор науки, прекрасная женщина. Я был у нее на приеме, очень переживал, она сказала: «Мы своих не бросаем». И не бросили, все нормально прошло.

Г.В. — Кстати, в институте им. Сербского она потом серьезно развивала психоанализ.

Д.Л. — Татьяна Борисовна ушла безвременно, к огромному сожалению — хорошие люди быстро уходят. Сейчас моя официальная работа — заведующий патопсихологической лабораторией КГБУЗ «Краевая клиническая психиатрическая больница имени профессора И.Б. Галанта». А любимая моя работа — это частная психоаналитическая практика.

Е.И. — Давид Львович — «мозг» нашей организации, это безусловно. Если бы не Давид Львович, мы бы не читали статьи классических и современных психоаналитиков. Здорово, что мы можем быть в курсе того, что происходит в мире психоанализа сейчас. Странно и удивительно то, что не только основной костяк нашего регионального отделения ходит

и обсуждает эти статьи, но и просто заинтересованные люди. Некоторые из них уже стали членами РО, некоторые только собираются, некоторые никогда не станут, но приходят к нам учиться. Наша «могучая кучка», которая собирается и обсуждает статьи, материалы конференций — это и есть наше сообщество психоаналитическое. Хотя не все мы психоаналитики. Как раз это и интересно.

Но я опасаясь, что мы можем застрять, хочется выходить на другой уровень, но я не знаю, как это сделать, кем это должно делаться. Я еще где-то в пути, но понимаю, что нужно не только сидеть и формально числиться председателем, а что-то двигать, брать на себя ответственность. Пока мои мысли крутятся вокруг того, как найти больше заинтересованных людей, которые будут хотеть развиваться, гореть психоанализом: Владивосток, Комсомольск и весь регион хочется привлечь в нашу дружную компанию.

С Еленой Александровной Шикановой, которая провела для нас семинар «Введение в современный психоанализ доэдипального пациента Х. Спотница», мы договорились на еще несколько встреч по групповой терапии, по сравнению английской теории психоанализа с американской. Этот проект — часть активных действий, направленных на развитие сообщества.

Г.В. — Это вообще интересный вопрос: как заставить людей хотеть? Это же невозможно. Мы можем только посеять искры, из которых либо разгорится пламя, либо не разгорится. И еще мы можем создавать структуру, чтобы люди могли понимать, на что и на кого можно опираться, и что ты будешь иметь в результате. Особенно молодежь часто спрашивает: «Какой профит, а что будет за это?». А у тебя будет вот что — профессия в руках. И тогда ты работаешь себе на хлеб с маслом всегда. При любой погоде, при любом политическом режиме. Невозможно заставить хотеть работать, но можно научить работать.

Е.И. — Я в психоанализ пришла из преподавателей английского языка. Мне нравилось

Семинар Гридаевой ГВ сентябрь 2018

преподавать и у меня получалось. Но было ощущение «одинаковости» процесса — есть уровень начальный, есть уровень средний, есть уровень высокий. Было хорошо, но, в общем, все время было одно и то же. Когда преподаешь в институте — от первого курса к пятому становится интересно, но потом опять начинаешь с первого. В школах частных преподаешь — там только начальный уровень в основном. Я пыталась двигаться куда-то, пошла работать методистом. Но это не очень интересно, это административная работа.

Как я вышла на психоанализ? Просто пришла с ребенком на консультацию к психологу. Оказалось, с ребенком все нормально, мне посоветовали заняться собой. И я действительно задумалась о себе, что может быть со мной что-то не так? Проблемы с детьми — это показатель того, что что-то не так в семье. Я считала, я была уверена, что я — такая мудрая женщина, много думаю и много знаю — не должно быть никаких «косяков». Оказалось, что ребенок очень хотел от меня оторваться в 7 лет, очень-очень хотел. Он мне говорил: «Я тебя ненавижу». Для меня это был ужас: как это возможно, я же все сделала «как положено», я же проходила в пединституте возрастную психологию. Я все делала по книге четко, почему же возникли проблемы? Вот эта глубинная сепарационная история между матерью и ребенком и привела меня к желанию разобраться, что не так.

Я думаю, что все, что внутри каждого человека происходит — это и есть тот путь, который меняет человека, это трансформация личности. И неважно, когда в терапию человек приходит. Это такой кайф! Я сейчас в постоянном удивлении, восхищении нахожусь в практике, потому что ничего нет одинакового, ни у кого. Проблемы все одинаковые, но люди все разные, психика у всех разная. Наконец-то у меня нет этой «одинаковости», которая была в преподавательской деятельности! И есть удивительная психика, от которой я в восторге, которой не устаю удивляться, наслаждаться, кайфовать от процессов, которые происходят внутри каждого человека. И не важно, сколько он в терапии: год, четыре года, десять сеансов, — не важно. Это то удовольствие, которое и я испытывала, когда понимала какие-то вещи, когда я сращивала какие-то процессы, динамику, когда из отдельных пазлов складывалась целостная картина. Потом я поняла, что было не так. С моим ребенком стало очень много вещей понятны потом. И мой каждый следующий ребенок уже совершенно другой человек. Я такая же мать, я так же люблю и первого, и второго, и третьего. Но насколько ты принимаешь себя и отпускаешь и себя и этих детей, насколько они становятся свободными.

Г.В. — Тема крайне интересная, и не только для детей, но и для учеников. Позволять им жить свою собственную жизнь, идти своим путем, а для этого у нас должна быть наша жизнь, наши интересы, наши дела.

У нас выпал из беседы период с 2013–2014 года. Что происходило в эти годы? Распад начался с 2013 года, когда распался институт, люди ушли, а когда пошла вторая волна?

Д.Л. — Был период анабиоза, отсутствия жизни. Сообщество формально было организовано, но работы никакой не велось. Это длилось около двух лет, до 2015 года. Потом появилась у нас

Бекер, Васильева, Гридаева. Сентябрь 2018 г

Светлана Юрковская, с которой мы плохо закончили в итоге, она ушла совсем, обидевшись на всех и вся. Такое в психоанализе бывает — эта история неоднократно повторялась в истории психоаналитического движения. Но Светлана успела организовать группу интересующихся психоанализом, конференцию. И с какого-то момента, с 2015 года пошел процесс, что-то сдвинулось с мертвой точки.

Г.В. — Интересно: анабиоз, затем конфликт, затем развитие.

Д.Л. — Перед конфликтом была хорошая история, человек горел, с энтузиазмом что-то предлагал сделать. Светлана неплохой организатор, она пришла в психологию из коммерции. У нее это очень хорошо получалось, у меня не получается так, как у нее. И процесс пошел, «заварился». Тут Татьяна Владимировна Мизинова в октябре 2016 года приехала, провела семинар. Она очень вовремя подоспела — сделала мощный вклад в развитие нашего сообщества. Татьяна Владимировна «благословила» онлайн: онлайн-терапию, онлайн супервизии. Для нас, с учетом географического положения, это очень важно. Буквально она нас «крестила», святой психоаналитической водой окропила, и процесс после этого пошел (*смеется*). Два года застоя, затем толчок мощный и процесс пошел.

Е.И. — Тогда я тоже подключилась, захотелось что-то организовать, провести. Раз в месяц видео посмотреть, раз в месяц что-то обсудить, и потихоньку пошел процесс. Давид Львович говорит: «Мы все это делаем». И все стали подтягиваться. Раз, два, три, год прошел. В 2017 году приехал уже Ян Олегович Федоров.

Г.В. — Организовали стабильное «кормление»: есть график, есть «молочная кухня». Это важно, мы все с этого начинаем.

Е.И. — В 2018 году приехали вы, Галина Витальевна. Понемногу мы стали приглашать специалистов к себе, проводить семинары, а с 2016 года мы сами стали ездить на Зимнюю Школу в Екатеринбург. Елена Владимировна сначала поехала, потом мы с ней на следующий год, потом уже четверо, потом восемь. А потом случилась пандемия. Но процесс соединения центра с Дальним Востоком уже начался и принес свои плоды. Люди перестали бояться двигаться, пробовать, супервизироваться, в частности. Оказывается, это не так страшно. Потом мы провели свою первую конференцию.

Г.В. — Расскажите про конференцию, как пришла идея, как все прошло. Это же в пандемию как раз произошло?

Е.И. — Мы успели до пандемии. На очередной Зимней Школе Татьяна Владимировна Мизинова говорит: «А что это Хабаровску у нас молчит? Ни разу не проводил конференции». И в 2020 году мы это сделали, в смешанном формате – офлайн и онлайн с Zoom. Тема конференции: «Современный клиент в поле семейных отношений. Разоблачение тайны». Коллеги из других городов присоединились, выступили с докладами: из Москвы Татьяна Владимировна

Вена, Институт Зигмунда Фрейда.

Екатерина Васильева

РО-Хабаровск на Зимней Школе 2020 в Екатеринбурге

Мизинова, Алина Алексеевна Тимошкина, Михаил Николаевич Маслов из Ростова-на-Дону. Я не знала, кто еще из наших хабаровских коллег будет выступать. Давид Львович — понятно, это мозг нашего регионального отделения. Но народ так рьяно откликнулся, и у нас было около 9 докладов. Попробовали — получилось, и было интересно, мы много что обсудили. Это было удивительно!

Г.В. — Получается, люди созрели и хотят не только получать, но и отдавать.

Е.И. — Неважно, что некоторые доклады были обзорные, некоторые «проба пера», это все равно было здорово, была возможность попробовать свои силы.

Г.В. — Самое главное — не бояться! Бывает страшно начинать, особенно рядом с мэтрами, рядом с «мозгами».

Е.И. — Хорошая получилась конференция. А потом началась пандемия. Но что удивительно, за время пандемии у нас никто не «отвалился», мы все в строю. Все, кто ходил, обсуждал статьи, кто на интервизии приходил — все с нами.

Хочется отметить, как активно сейчас развивается взаимодействие между регионами. Во-первых, мы стали ездить в Екатеринбург на Зимнюю Школу, я ездила в Вену на Конгресс ЕСРР, вот совсем недавно наша коллега ездила в Москву на Межрегиональную конференцию «Аналитическая ситуация: прошлое и будущее в настоящем». Коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары приезжают к нам в Хабаровск, проводят семинары. Благодаря онлайн формату можно участвовать в конференциях и семинарах, которые проходят в других городах: посещать самарские конференции по детскому психоанализу, вот в Ростове-на-Дону будет конференция в октябре. Идет взаимодействие на межрегиональном

уровне и это обогащает. Здорово, когда мы не просто по своим городам сидим и связываемся только через центр, а когда между собой взаимодействуем. Есть у ЕАРПП прекрасный проект «Бесплатные супервизии онлайн», наши коллеги в нем активно участвуют. Возможность участвовать в психоаналитических событиях по всей стране — важный фактор развития для региона. И пандемия открыла новые возможности благодаря тому, что многие мероприятия сейчас проходят онлайн.

Г.В. — В вашем РО функционирует киноклуб, он тоже является объединяющей площадкой?

Е.И. — Да, его ведет Елена Юрьевна Владимирова. Людей приходит немного, но киноклуб — это тоже пространство для развития. Приходят не только психоаналитики, но и интересующиеся люди, хотят посмотреть и послушать, пообсуждать. У этого формата есть сложности: 3-5 часов в субботу, людям выделить столько времени в выходной день непросто. Мы думаем уже 4 года: как же сделать так, чтобы это не было так затратно по времени. В июле попробуем интернет-формат: посмотрев дома фильм, пообсуждать в Zoom. Посмотрим, как пойдет. Сложно сделать так, чтобы всем было удобно.

Д.Л. — Я, конечно, понимаю, что вечного энтузиазма не будет. Хабаровск находится в зоне «рискованного земледелия», это касается и миграции людей. Большинство людей уезжают на Запад «ловить золото». Кто-то успешно ловит уже лет десять, кто-то не ловит, определенный риск есть всегда: получится у тебя на новом месте или не получится. Да, надо проводить конференции, надо делать что-то интересное, привлекать новых людей. Есть неприятный для меня момент: появляется много специалистов, не соблюдающих Этический кодекс психологов, довольно инфантильно относящихся к профессии, пытающихся из нее «выжать все молоко». И ищут в профессии больше успех и деньги, чем что-то ценное и полезное. Тяжело наблюдать, как профессию превращают в рутину, в ремесленничество, в «мазню», а не в прекрасный портрет. Проблема психологической практики сегодня, и психоанализа в том числе, — незрелое поколение специалистов. Я вижу выскочек, зазнаек, нарциссов — этот момент опасен. Это общая тенденция: культ непрофессионализма, начетничества, шапкозакидательства. Это общий процесс, но в нашей профессии он выглядит устрашающе.

Г.В. — Это общий процесс абсолютно. Что мы можем ему противопоставить? Просто быть, сохранять себя, и надеяться, что люди разберутся, где настоящее, а где фальшивка. Спокойно и грамотно позиционировать себя и свою организацию, придерживаться своих стандартов и держать свои границы. Совсем уж разрушительных нарциссов не хочется пускать на свои полянки.

Д.Л. — Да, мы их не пускаем, но «мы их в дверь, они в окно».

Г.В. — Вот я об этом. Часто можно услышать обесценивание: «Что это вы сидите и ждете пациентов? Я тут был у знахарки, у нее очередь в три квартала. Значит, работать не умеете».

Д.Л. — Крайняя форма выражения отношений с миром, примитивные способы отношений с самим собой всегда приводили к мистицизму, релятивизму. Были 90-е годы, сейчас следующий этап второй версии 90-х.

Г.В. — Удивительно, что Кашпировского еще не появилось на телевидении.

Д.Л. — Кашпировские от политики появляются, они все на экранах, мы их видим. Психотерапевты еще не появлялись.

Е.И. — Это как раз про то, чтобы удержать то, что мы имеем. Не пригреть выскочек, которые могут разбить, расколоть. Удерживать в балансе работу РО и продуктивность наших встреч. Это все работа не только председателя и «мозга», а всех вместе.

Г.В. — С одной стороны, нужны новые люди, так сказать, свежая кровь, с другой стороны должен быть жесткий фильтр для выскочек, которые норовят пригреться на груди. А грудь у нас — ого-го, места хватает! Не просто, ох!, не просто нам всем развиваться.

Д.Л. — Глоток свежего воздуха всегда может быть в затхлой атмосфере, связанной не только с психоанализом, но и с любой сферой деятельности. Мы люди «атмосферные», родились в ней, дышим этим воздухом психоанализа, психотерапии, клиентами нашими, которые нас вдохновляют, когда им становится легче, когда у них улучшаются отношения, когда мы избегаем развала семьи. Это очень здорово — мы получаем обратную связь, нам тоже

Конференция в Хабаровске март 2020

хорошо становится. Тем паче, что работаем в профессии довольно долго, видим поколения, которые участвуют в процессе совершенствования себя через психоанализ.

Г.В. — Работа в этом смысле у нас очень благодарная. Знакомый стоматолог однажды меня спрашивал: «Вот ты можешь сфотографировать клиента «до» и «после»?» Физически мы не можем этого сделать, но внутренне у нас есть некая картинка: вот человек пришел в депрессии, с разрушенными отношениями, с неспособностью любить, ненавистью к себе, а потом уходит уже совсем другим. И эти трансформации, о которых говорила Екатерина Игоревна, они ценны, мы их храним в памяти. У меня вопрос просится к Вам, Давид Львович. Непростой вопрос. А каково было власть передавать? Обычно сложно этот процесс проходит. У нас атмосфера такая, в целом, непростая.

Д.Л. — Даже не знаю, что сказать. Екатерина Игоревна, как Вы чувствовали, как вам власть передали? Мы на ринг выходили, боксировали?

Е.И. — Было очень легко.

Д.Л. — И мне было легко. Я знал, что наконец-то появился кто-то еще, и я буду помогать, и она мне будет помогать. Парный элемент в нашем тандеме хорошо работает.

Е.И. — Наверное, я «подросла» и можно мне было передать что-то. Кроме того, я побыла казначеем какое-то время, поработала, посмотрела на людей, поняла, что происходит. Дело не в передаче власти, а в совместной работе, когда ты понимаешь, что можешь уже быть коллегой, а не только учеником. Тогда при повышении уровня внутреннего понимания себя и сообщества, ты чувствуешь себя частью большой группы, а не маленьким человеком, на которого можно сбросить какие-то обязанности. Когда меня избрали председателем,

и я впервые участвовала в Правлении ЕАРПП, я удивилась, что я часть такого огромного, цельного сообщества, кроме того, что я часть своего хабаровского регионального отделения. И, когда в Вену приехала на Конгресс в Институт Фрейда в 2018 году, это было круто! Это не про власть и ее передачу, а про партнерство с классными людьми.

Г.В. — Да, я немного не то слово подобрала, слово «власть» не подходит к тому процессу, о котором вы говорите. Похоже, статус тогда легко и передается, когда рассматривается не в контексте власти, а в контексте совместной работы. У нас в этом году произошли выборы Президента ЕАРПП, и это принципиальный момент для организации — сменяемость лидера. Татьяна Владимировна Мизинова ушла, пришла Алина Алексеевна Тимошкина, потом придет кто-то другой; и это важно. Но мы остались одной командой. Конечно, здесь есть и сложности: привыкаешь к одному лидеру. Нужно перестраиваться. Но это необходимо, чтобы организация оставалась жизнеспособной.

Е.И. — Выборы нового Президента нашей организации — это тоже не про власть, а про партнерство, про совместную деятельность. Татьяна Владимировна Мизинова продолжает принимать активное участие в жизни организации.

Г.В. — Есть множество организаций, и психоаналитических, и не только, которые разваливаются именно потому, что один человек не хочет уходить с места руководителя ни за что. Только «вперед ногами». И все возможные, потенциальные партнеры и приемники, которых можно было бы вырастить — они все убиваются в зародыше. И у нас в Самаре, в психотерапевтической среде таких историй много было, и на всероссийском уровне. Это опять же определенная тенденция, общий процесс.

Г.В. — Есть еще что-то, Давид Львович и Екатерина Игоревна, что важно сказать в завершение?

Д.Л. — Стихи придумать только можно. Про любовь к психоанализу, зародившуюся четверть века назад... Она как любовь к женщине, как любовь к ребенку, помогает очень сильно. Если б не было любви такой к этому предмету, к этому процессу, к этому взаимодействию, наверное, ничего бы не получалось. Она греет, помогает, возвращает новые победы. Поэтому мне легко работать с коллегами, не знаю, как им со мной. Довольно органично сочетаются в нашем сообществе зрелость и молодость. Наше РО, хотя оно далеко от центра, представляет некую модель очень органичного сосуществования разных поколений. Я хотел бы всем нашим коллегам пожелать такого соединения.

Е.И. — Давид Львович видит во мне и в других коллегах эту любовь к психоанализу, всегда улыбается краешком глаз, когда я начинаю с эмоциями говорить про психоанализ. Это так здорово, когда нравится то, что ты делаешь, это самое главное. На таких людях держится сообщество.

Г.В. — Да, на тех, кто влюблен в свое дело и может эту любовь транслировать другим. ■

Беседовала Г.В. Гридаева

